

Массовые преступления в бывшей Югославии: участие, наказание, предупреждение?

Самьюэл Таннер

Самьюэл Таннер — докторант Школы криминологии Монреальского университета и младший научный сотрудник в Международном центре сравнительной криминологии Монреальского университета.

Краткое содержание

В статье обсуждаются санкции и предупреждение массового насилия. Отказавшись от классического подхода, сфокусированного на официальных акторах, таких, например, как солдаты, офицеры или члены политического руководства, действующих в рамках законной цепи командования, мы уделяем основное внимание нарушителям, не являющимся представителями государства. Наши построения основаны на изучении частных случаев четырех бывших сербских ополченцев, принимавших участие в массовом насилии в бывшей Югославии. По нашему мнению, анализ типичных связей на низовом уровне между этими местными акторами и общиной, к которой они принадлежат, чрезвычайно важен для обеспечения максимального эффекта санкций и, возможно, для предупреждения новых правонарушений со стороны тех, кто потенциально способен их совершить.

Массовые преступления: юридический и социологический подходы

Какое воздействие международные, национальные или местные уголовные санкции могли бы оказать на вооруженные банды, участвовавшие в массовых преступлениях в Хорватии и Боснии и Герцеговине в 1990-х гг.? По нашему мнению, для предупреждения и наказания таких деяний прежде всего необходимо проанализировать и оценить опыт участия в массовом насилии лиц, совершивших правонарушения. При этом сразу оговоримся, что два подхода — юридический и социологический — могут быть применены к исследованию этнических чисток и геноцида типа тех, которые имели место в бывшей Югославии и Руанде. Возьмем, например, понятие геноцида. Юридический подход к нему заключается в том, чтобы рассматривать его как нарушение Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Однако к нему можно подойти и с сущностной, социологической точки зрения, что и будет сделано в настоящей статье. При таком подходе геноцид рассматривается не в категориях нарушения международных норм и правил, а скорее, как результат социальной практики. Иными словами, изучению подлежит не только «номинальное» преступление, нарушающее ту или иную норму международного права, но и целый набор социальных практик, которые должны быть выявлены и оценены для того, чтобы их можно было предупреждать и подвергать санкциям. Соответственно, массовые преступления, если их рассматривать с юридической точки зрения, охватывают весь спектр нарушений международного гуманитарного права и права прав человека. Они вбирают в себя преступление геноцида, преступления против человечности и военные преступления, но, конечно, не сводятся к ним. С другой стороны, массовое насилие, если вернуться к его рассмотрению с социологической точки зрения, осуществляется посредством разного рода агрессивных социальных практик, которые группа или другая общность применяет против гражданского населения. Такая категория нарушителей может включать в себя ополченцев, вооруженных бандитов, армию или даже целое государство. Массовый характер таких практик зависит от ряда критериев. Во-первых, необходимо наличие групп с обеих сторон, будь то нарушители или потерпевшие. Во-вторых, соответствующая практика осуществляется широким кругом исполнителей: например, в Боснии и Герцеговине этнические

чистки проводились разветвленной сетью, состоящей из солдат, ополченцев, вооруженных банд и политических деятелей. В-третьих, социальные практики, типичные для массового насилия, осуществляются в течение продолжительного времени: в Боснии и Герцеговине этнические чистки длились три года. Резня, изнасилования, депортация, устрашение, заключение в концентрационные лагеря и истребление людей — таковы основные характеристики массового насилия. В анализе, предпринятом в настоящей статье, мы исходим из упомянутой выше типологии и нашего опыта исследований в области социальной криминологии, сосредоточив внимание на сущностной или социологической оценке опыта четырех бывших сербских палачей, принимавших участие в массовых преступлениях, совершенных в Хорватии и Боснии и Герцеговине между 1991 и 1995 г. Затем мы обобщим результаты проводимых нами исследований и сформулируем ряд предложений относительно пресечения деяний, совершаемых такой специфической категорией правонарушителей, и их наказания.

Оценка опыта четырех сербов, совершивших преступления во время югославских войн

В литературе, описывающей, как люди «встают на путь зла»¹, совершают геноцид или массовые убийства, основное внимание, как правило, уделяется представителям государства. По определению такие лица действуют в составе конкретной иерархической и бюрократической структуры, в рамках которой наличествуют цепи командования и развитое разделение труда. Хотя работа таких государственных учреждений не всегда хорошо скоординирована², они все же могут рассматриваться как «тотальные институты». Следовательно, солдат всегда находится в той среде, где он зависит от решений и приказов командиров и подчиняется им. Такая социальная структура регулирует все сферы его личной жизни³. Исследования,

- 1 James Waller, *Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killings*, Oxford University Press, New York, 2002, p. 316.
- 2 Например, в своем романе *Les Bienveillantes* (Gallimard, Paris, 2006) Джонатан Литтелл (Jonathan Littell) показывает острое соперничество между СС и СА в работе над «Окончательным решением», хотя обе службы были обязаны сотрудничать друг с другом в рамках сложной системы нацистской иерархии.
- 3 Erving Goffman, *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, Anchor Books, Garden City, New York, 1961, p. 386.

в которых главное внимание уделялось представителям государства, позволили собрать ценную информацию. Она в значительной степени проясняет вопрос о том, каким образом — «из-за повиновения властям»⁴, «банальности зла»⁵, «дублирования»⁶ и т.д. — такие правонарушители вовлекаются в насилие против гражданского населения. Однако недавние события, например массовое насилие, имевшее место в бывшей Югославии, высветили иные и иногда более изменчивые схемы по сравнению с Холокостом, ставшим предметом изучения в основных научных публикациях. Что касается югославских событий, собранный материал показывает, что некоторые правонарушители пользовались возможностью действовать «в рамках дозволенного», то есть поступать — в известных пределах — по своему усмотрению. Следовательно, имела место преступная небрежность со стороны государственных властей. Не все правонарушители подчинялись законной цепи командования или получали от нее приказы⁷. Среди этих несистемных акторов мы выделяем «вооруженные банды». Их участники могут быть определены как находящиеся на полпути между двумя типами преступности. С одной стороны, они совершали преступления, так сказать, «малого и среднего радиуса действия» вроде воровства, учинения беспорядков, организованной преступности и торговли запрещенным товаром⁸. С другой стороны, они вовлечены в преступность «дальнего радиуса действия», к которой относятся, в частности, этнические чистки. Под радиусом действия мы понимаем последствия для человеческих жизней. Преступность «дальнего радиуса действия» по большей части представлена преступными политическими проектами, осуществляемыми центральными правительствами. В силу вовлеченности этих вооруженных банд в преступность как ближнего, так и дальнего радиуса действия, их участие в массовом насилии

4 Stanley Milgram, *Obedience to Authority: An Experimental View*, Harper & Row, New York, 1974, p. 224.

5 Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, Viking Press, New York, 1964, p. 312.

6 Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*, Basic Books, New York, 1986, p. 561.

7 Chérif Bassiouni, *Final Report of the United Nations Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992)*, United Nations, New York, 1994, см. www.his.com/~twarrick/commxyu1.htm (последнее посещение 13 марта 2008 г.).

8 Bill Buford, *Among the Thugs*, Norton, New York, 1992, p. 317; Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*, Cornell University Press, Ithaca, N.Y., 2002, p. 201.

не может быть отнесено на счет действия таких факторов, как этническая ненависть⁹ или националистический фанатизм¹⁰. При этом не вполне адекватны и такие объяснения, как жажда наживы, оппортунизм или погоня за удовольствиями¹¹, поскольку они не учитывают политические цели, которые все же преследуют вооруженные банды¹². Поэтому мы выдвинули альтернативную гипотезу модели зарождения умысла¹³, которую резюмируем в следующем разделе.

Модель зарождения умысла: подход и выводы

Если говорить кратко, модель зарождения умысла предполагает последовательный подход к рассмотрению участия вооруженных банд в массовом насилии. Поэтому, несмотря на то, что члены этих банд могут вовлекаться в массовое насилие с их согласия, мы утверждаем, что согласие не является результатом задолго до того разработанного плана полностью или частично истребить какую-либо группу из-за ее характеристик. Скорее, такое согласие следует разбить на две серии решений, выступающих как следствие значимых событий, в свою очередь ставших результатом взаимодействий между этими индивидами внутри группы и одновременно с общинами, к которым они принадлежат, и обусловленных войной политических и социальных ситуаций. Модель зарождения умысла основывается на результатах проведенного нами в рамках полевых исследований интервьюирования четырех бывших сербских ополченцев, которых я назову Радислав, Иван, Ненан и Янко¹⁴. Радислав, Ненан и Иван действовали в Хорватии (Книн и Вуковар) в 1991–1992 гг. В событиях, происходивших в Боснии и Герцеговине между 1992 и 1995 г. (Братунак, Зворник,

9 Neil, J. Kressel, *Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror*, Westview Press, Cambridge, Mass., 2002, p. 312.

10 Misha Glenny, *The Balkans: Nationalism, War and the Great Powers, 1804–1999*, Viking Press, New York, 2000, p. 726.

11 Paul Collier and Anke Hoeffler, «Greed and grievance in civil war», *Oxford Economic Papers*, 56 (4), 2004, p. 28; John Mueller, *The Remnants of War*, Cornell University Press, Ithaca, N.Y., 2004, p. 258.

12 Jeremy M. Weinstein, *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*, Cambridge University Press, New York, 2007, p. 402.

13 Samuel Tanner, «Political opportunities and local contingencies in mass crime participation: Personal experiences by former Serbian militiamen», *Global Crime*, Vol. 8 (2), 2007, p. 19.

14 Более подробно о методике и полевых исследованиях см. там же.

Сребреница и Сараево), принимали участие Янко, Ненан и Иван. Интервьюируемые были разделены на две группы: Радислав, Ненан и Иван были участниками ополчения, связанного с политической оппозицией в лице ультранационалистического Движения сербского возрождения (SPO), которое в то время возглавлял Вук Драшкович, сильный противник клики, поддерживавшей тогдашнего президента Сербии Слободана Милошевича. Напротив, Янко действовал в составе вооруженной группы, подчинявшейся центральному правительству. Все, кроме Ненана, с которым Радислав и Иван познакомились во время бурных событий в Краине (Хорватия), — уроженцы одного и того же городка (назовем его Узила) и общались друг с другом в течение нескольких десятилетий. Ниже мы проанализируем четыре основные характеристики отношений между названными правонарушителями, коллективную структуру, в которую они были встроены, и среду, в которой совершались зверства. Эти четыре элемента взаимодействовали, комбинировались и подпитывали процесс, в результате которого проинтервьюированные нами правонарушители оказались в числе участников массового насилия.

Политика и милитаризация Сербии в 1990–1991 гг.

Политический климат соперничества между сторонниками Милошевича и монархистскими группировками в Сербии в 1990–1991 гг. имел в своей основе скрытый сценарий, в конечном счете приведший четырех проинтервьюированных правонарушителей к участию в массовых зверствах¹⁵. Движение сербского возрождения видело в существовавшем тогда политическом климате своеобразное окно возможностей для укрепления своей политической легитимности. Поэтому монархическая оппозиция развернула вокруг вопросов безопасности активную кампанию с широким использованием черного пиара, призванную дискредитировать Милошевича и Югославскую народную армию, всячески давая понять, что последней нельзя больше доверять. В сущности, оппозиция стремилась собрать подлинно сербскую армию современных четников (славянское националистическое партизанское движение) для защиты сербской идеи как в самой

¹⁵ Это соперничество разворачивалось вокруг многопартийных выборов в Сербии, состоявшихся в декабре 1990 г., которые выиграла партия Милошевича. Ее победу оспаривало Движение сербского возрождения, утверждавшее, что партия Милошевича украла его политическую платформу, предусматривавшую создание Великой Сербии.

Сербии, так и за ее пределами. По мнению некоторых авторов, данная стратегия эксплуатировала чувство незащищенности и беспомощности, которое тогда испытывали все люди, независимо от своих политических пристрастий¹⁶. В обстановке охарактеризованного выше политического противоборства, когда четыре проинтервьюированных нами правонарушителя решили, что настал их час действовать, начался процесс «милитаризации», который, несомненно, еще на один шаг приблизил массовое насилие. Они вступили в ополчение, чтобы противодействовать правительству и защитить сербов за границей, и в 1991 г. отправились в Хорватию.

Местные националистические когнитивные сценарии¹⁷

Политический климат противоборства, охарактеризованный выше, резко активизировал националистические установки и когнитивные сценарии, формирующие рамки значений, которые «затрагивают не просто стратегические расчеты индивидуумов... но их самые глубокие предпочтения и саму идентичность»¹⁸. Помимо политической повестки дня, на которой стояли восстановление монархии и возвращение четников, на формирование значений для четырех проинтервьюированных нами правонарушителей воздействовали три когнитивные сценария. Первый сценарий соотносился с расовыми теориями, основанными на эволюционизме, в которых сербский тип рассматривается как высший. Соответственно, сербы, как они воспринимались четырьмя проинтервьюированными нами правонарушителями, должны взять на себя руководство всей территорией Сербии. В ходе нескольких интервью опрошиваемые ссылались на выдуманную по большей части историю, игнорирующую базовые факты, касающиеся балканской демографии.

16 Dubravka Stojanovic, «The Traumatic Circle of the Serbian Opposition», in Nebojsa Popov (ed.), *The Road to War in Serbia. Traumas and Catharsis*, Central European University Press, Budapest, 1996, p. 29.

17 «Когнитивные сценарии — форма структуры памяти, которая развивается при многократном воздействии на индивидуума одного и того же набора стимулов или введении в действие одного и того же конкретного типа поведения». См. A. Lakshmi-Ratan and Easwar Iyer, «Similarity analysis of cognitive scripts», *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 16 (2) (1988), см. www.springerlink.com/content/hv0089_x18652_mqp3/ (последнее посещение 12 апреля 2008 г.).

18 Peter A. Hall and Rosemary C.R. Taylor, «Political science and the three new institutionalisms», *Political Studies*, No. 44 (1996), p. 22.

Второй набор когнитивных сценариев, формировавших рамки значений для наших правонарушителей-респондентов, связан с мифологией и религией. Такое содержание активизируется по большей части при слушании народных песен, прославляющих доблесть четников старины. В этих песнях и в представлении респондентов такие воины выступают как действующие с благословения православной Церкви поборники и защитники христианства против ислама. Соответственно, палачи воспринимаются и описываются не как военные преступники, а как солдаты небесного воинства. Все респонденты, кроме Янко, стали искренне верующими уже после того, как начали участвовать в массовом насилии. Однако такие когнитивные сценарии проявляются и в беседах об истории Сербии, православной религии, романах и таких деликатных вопросах, как продолжающиеся споры между сербами и хорватами относительно числа сербов, погибших от рук усташей, сотрудничавших с нацистами во время Второй мировой войны.

Наконец, третий набор когнитивных сценариев основывается на конкретных представлениях, разделяемых как респондентами, так и общиной, к которой они принадлежат. Эти сценарии выстраиваются вокруг ценностей сельского населения, которые отличаются от городских и включают в себя недоверие к тем, кто живет в больших городах, таких как Белград, возврат к традиционным занятиям (разведение свиней, птицеводство, земледелие) и ценностям и одновременно энергичное сопротивление продолжающейся модернизации сербской политики и общества (правозащитная деятельность, неолиберальные взгляды, политический плюрализм и антивоенные протесты). Хотя интервьюируемые и боролись за достижение националистических целей, важно подчеркнуть, что последние во многом отличались от версии, распространявшейся Белградом и центральным правительством, которое к тому же воспринималось в этом районе как незаконное и не заботящееся об интересах сельского населения. Большинство сербов, испытавших на себе непосредственное воздействие войны и насилия как правонарушители или как свидетели притока сербских беженцев из Хорватии после операции «Шторм», проведенной там в 1995 г., были сельчанами, а не столичными жителями из Белграда¹⁹.

19 Мы не хотим этим сказать, что население Белграда не пережило тяжелое время в 1990-е гг. из-за эмбарго, введенного Советом Безопасности ООН.

Организационная подготовка массового насилия

Социальную и организационную среду, в которой происходило массовое насилие, тоже следует проанализировать. Мы вкратце охарактеризуем обстановку в двух странах, где пришлось действовать всем четырем респондентам, а именно в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. С Хорватией связано участие Радислава, Ненана и Ивана с августа 1991 г. по февраль 1992 г. в событиях вокруг образования самопровозглашенной автономной области Краина в восточной и западной частях Хорватии. Как явствует из документов, этнической чистке в этих районах подверглось все несербское население²⁰. С июля 1991 г. Краина получала растущую поддержку людскими и материальными ресурсами, в первую очередь от Сербии. Интересно, что согласно документам и интервью такая поддержка поступала официально (и неофициально) от центрального правительства Сербии, но также де-факто от добровольцев, например от четников Воислава Шешеля и палачей типа Радислава, Ненана и Ивана, связанных с Движением сербского возрождения. Имеются доказательства, что некоторые правонарушители действовали за рамками единой интегрированной цепи командования в лице Югославской народной армии и ее начальников штабов²¹. Кроме этого, ситуация, по-видимому, была крайне сложной, поскольку проинтервьюированные правонарушители сообщают, что между указанными различными цепями командования — причем некоторые из них вообще не поддаются определению — шла ожесточенная борьба. Соответственно, помимо создания широких «рамоч дозволенного» эта сеть правонарушителей, соперничающих за контроль над территорией, не только подпитывала насилие, но и размывала его контуры и делала его более непредсказуемым. Хотя национализм являлся ключевым фактором, списать на него все действия огромного числа правонарушителей в Хорватии не получится. Главными игроками (хотя этим список не исчерпывается) были Югославская народная армия, хорватские и сербские территориальные силы обороны, полиция Милана Мартича и целый ряд ополчений, в том числе четники Воислава Шешеля и «убийцы по выходным», как их определяет Радислав. Радислав, Ненан и Иван включились в борьбу разными путями. Они не были призваны

20 ICTY, *The Prosecutor v. Milan Martić*, Case No. IT-95–11, Judgement (Trial Chamber), 17 June 2007.

21 ICTY, *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Case No. IT-03–67, Third Amended Indictment, 7 December 2007; ICTY, *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Case No. IT-02–54, Amended Indictment (Bosnia), 21 April 2001; Amended Indictment (Croatia), 22 July 2004.

на службу по приказу центрального правительства и законного командования для пополнения рядов Югославской народной армии или ополчения, лояльного по отношению к центральному правительству, а пошли на войну каждый сам по себе, решив посмотреть, чем они могут «помочь»²². Прибыв на место, они через несколько дней вошли в состав групп, идеологически им близких, сочтя, что те «способны защитить» сербские интересы в Хорватии.

В ходе интервью все трое названных выше правонарушителей особо подчеркивали, что не могли доверять Югославской народной армии, потому что в их тогдашнем восприятии в ней кишели предатели из «пятой колонны». Все трое приняли участие в заключительном цикле насилия в Хорватии в конце 1991 г. — начале 1992 г. Интересно отметить, что, по словам Радислава, резолюция Совета Безопасности ООН от 21 февраля 1992 г. о развёртывании Сил ООН по охране (СООНО)²³ ускорила принятие ими решения покинуть указанный район. Радислав также подчеркнул, что не хотел быть пойманным «голубыми касками» и подвергнуться риску быть преданным суду. Таким образом, вопреки преобладающему мнению, у которого до сих пор есть сторонники, истребление гражданского населения не было делом рук исключительно одной стороны, а именно государства. Массовое насилие стало результатом полицентрической структуры со многими акторами, чьи мотивы и цели различались, несмотря на их общую приверженность националистической программе. Как указывают респонденты, отсутствие монопольной власти, которая осуществляла бы полный контроль над территорией, привело к разрушительным последствиям для несербского гражданского населения. Оно сделало возможными всякого рода вмешательства в своекорыстных целях и открыло дверь для соперничества между многими типами правонарушителей, стремившимися воплотить в жизнь свои планы — как политические, так и криминальные, — а четверо правонарушителей-респондентов получили полную возможность использовать самые радикальные средства из своего арсенала, то есть крайнее насилие. Эскалация жестокости в результате попыток соперничающих группировок захватить контроль над территорией стимулировала продолжение массового насилия, а правонарушители

22 Радислав рассказал мне, что он, врач по профессии, сначала планировал оказывать в Хорватии медицинскую помощь пострадавшим сербам в местных больницах.

23 Резолюция 743 Совета Безопасности ООН о развёртывании Сил ООН по охране (СООНО) на территории Хорватии, находившейся под контролем фактических властей, Док. ООН S/RES/743/1992.

оказались еще глубже втянуты в массовые преступления. Многим это децентрализованное массовое насилие²⁴, по крайней мере в первые месяцы войны, дало массу возможностей приобрести политический капитал и получить законный статус.

Кроме этого, Иван, Ненан и Янко действовали в восточной части Боснии и Герцеговины в марте и апреле 1992 г., в основном в Бьелине, Вышеграде, Братунаке и Зворнике. Ненан, Иван и Янко также участвовали в событиях, происходивших в Сребренице до и во время геноцида²⁵. Собранный материал дополняет представление об организационной подготовке массового насилия и позволяет увидеть ее в несколько ином свете. Например, Янко указал, что, хотя некоторые отдаваемые ему приказы исходили от его руководителя из криминальной среды, он получал множество инструкций о том, что и где нужно делать, от представителей местного гражданского населения Боснии и Герцеговины и от кризисных штабов²⁶. Янко также сообщил, что в районе, где ему пришлось действовать, массовое насилие могло осуществляться без проблем благодаря положительному отношению к происходящему местных жителей. Попустительство со стороны как должностных лиц, так и местного населения позволило ему и его коллегам действовать без оглядки. Он добавил, что в основном действовал по ночам в составе группы из трех или четырех человек и что достаточно было прибыть на место, а там местные жители сами говорили, куда нужно идти. С оружием тоже не было проблем, поскольку они знали, где можно было его подобрать после вывода Югославской народной армии из Боснии и Герцеговины 15 мая 1992 г. по требованию Совета Безопасности. Оружие можно было приобрести и на черном рынке. После «зачистки» района Боснийская сербская армия хоронила тела убитых и прятала следы.

Эти откровения вступают в противоречие с обильно документированным представлением о палачах как действующих исклю-

24 Это происходило параллельно с централизованным осуществлением преступной политики Сербии по очистке Хорватии от несербского населения.

25 Так, события в Сребренице были квалифицированы в деле Крстича: ICTY, *The Prosecutor v. Radislav Krstić*, Case No. IT-98-33, Judgment (Chamber of Appeal), 19 April 2004.

26 Речь идет о местных комитетах, которые организовывали и координировали устранение несербского населения. Они состояли из военнослужащих Сербской боснийской армии (VRS), офицеров полиции, агентов секретных служб, среди которых были как боснийские сербы, так и сербы из Республики Сербия, местных мэров и политиков, а также представителей гражданского населения. Кризисные штабы были идеологически связаны с Сербской демократической партией (SDS) Радована Караджича и также руководили действиями ополченцев и палачей, приехавших в Боснию из других мест.

чительно по приказам законного командования. Естественно, мы не отказываемся рассматривать «государственную парадигму», в соответствии с которой политическая элита и должностные лица несут ответственность за подобные преступления. Однако при таком взгляде «сверху вниз», конечно, не объяснить все многообразные формы массового насилия. Достаточно рассмотреть динамику на низовом уровне, чтобы понять, что участие в массовых преступлениях не было результатом исключительно «повиновения властям». Поэтому концентрация внимания только на роли и ответственности командиров регулярной армии и политической элиты не обеспечит решения проблем санкций в отношении лиц, совершивших массовые преступления, и предупреждения последних и может даже затемнить чрезвычайно важную динамику, лежащую в основе устранения гражданских лиц.

Организационные местные особенности: мелкая преступность и модели взаимодействия внутри общины

В глазах многих сербов действия в интересах сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине превратили тех, кто на самом деле был маргинальным актором, в заслуживающих доверия защитников сербских нации и традиции. При этом многие националисты не вступили в ополчение и не участвовали в массовом насилии. Однако в обстановке, для которой прежде всего были характерны политический конфликт, беспорядки на почве национализма и распространение коллективного насилия, наличествовали и другие побудительные мотивы и возможности для участия в массовых преступлениях. Ниже мы сосредоточим внимание на преступной деятельности и организационных особенностях на низовом уровне.

Преступная деятельность

Как указывалось выше, Радислав, Иван и Янко были знакомы с юношеских лет. Их объединял и общий жизненный опыт, не в последней степени связанный с совершением преступлений малой и средней тяжести. Радислав признает, что эта деятельность подвела их к участию в преступлениях во время войны, которые, следовательно, выступали как ее продолжение, хотя и в другой форме. Янко тоже не отрицает, что, хотя борьба с «мусульманской опасностью» и была первейшим и глав-

нейшим мотивом для того, чтобы отправиться в Боснию и остаться там, он стал богаче в результате присвоения и воровства имущества из домов своих жертв. Солидарность, сложившаяся в ходе предыдущей преступной деятельности, помогла создать сеть доверительных контактов, и это облегчило осуществление преступных дел во время войны. Такая сеть не только предоставляла связи, но и побуждала защищать ее участников и их криминальную деятельность²⁷. Мелкая преступность не ведет автоматически к массовому насилию. Однако националистические сценарии и схемы взаимодействия, распространяемые через сети, основанные на взаимном доверии, способствовали вступлению этих людей на путь массового насилия. Показательны в этом плане комментарии Радислава, касающиеся их оппозиционности по отношению к правительству Слободана Милошевича и намерения оказать ему противодействие. Убежденность в том, что центральное правительство совсем не заботится об интересах сербских общин за пределами Сербии, подтолкнула этих активистов к участию в негосударственной квазиинституционализированной деятельности, а преступные сети облегчили совместные предприятия.

Схемы деятельности на уровне общины

Радислав занимает официальный пост в городке, где мы встретились. Он был и остается важной фигурой в своем районе. За время, в течение которого мы отслеживали его многообразную деятельность, выявилась разветвленная сеть клиентских отношений. Занимаемая им стратегическая позиция требует постоянных усилий для поддержания социального капитала. Это включает в себя приглашения вместе выпить стаканчик, проявление солидарности с членами общины в связи с грустными или радостными событиями в их жизни. Такие мелкие взаимодействия, может быть, сами по себе и не объясняют участия в массовом насилии, однако в сочетании с другими факторами (политическая ситуация и растущая милитаризация Сербии в 1990–1991 гг., местные националистические когнитивные сценарии и организационная подготовка массового насилия) они отражают разветвленность социальной сети четверых респондентов и выявляют чрезвычайно важный аспект их опыта участия в массовом насилии. В совокупности эти элементы образуют местное понятие *komsije*, включающее набор

27 Charles Tilly, *Trust and Rule*, Cambridge University Press, New York, 2005, p. 196.

повседневных действий и соображений, которые позволяют поддерживать и укреплять солидарность между людьми, живущими по соседству, посещающими одни и те же бары и спортивные клубы. Это воплощается в серии малозначимых повторяющихся действий, создающих межличностные узы, а альтернативы, идеологические и поведенческие, могут привести к тому, что прибегающие к ним индивидуумы будут опозорены и исключены из общины. Неформальные механизмы, такие как порицание, заставляют людей подчиняться правилам, которые устанавливаются индивидуумами типа Радислава, Ненана, Ивана и Янко. Люди им доверяют и мобилизуются по их требованию. Следовательно, Радислав, Иван, Ненан и Янко являются одновременно политическими и криминальными дельцами: они предписывают организационные решения и действия, позволяющие превращать, практически постоянно, националистические сценарии и прошлую криминальную деятельность в социальный и символический капитал. Националистические сценарии и преступная деятельность, в том числе и нажитое таким образом имущество, выступают как инструменты, превращающие прежних рядовых бандитов и маргинальных идеологов в ключевые фигуры местной общины. В послевоенном контексте их влияние на местное население облегчает сокрытие деятельности таких людей во время войны. Доверие, несомненно, является важнейшей составляющей такого влияния. То есть хотя они и действовали на периферии структуры и законной цепи командования, ответственных за разорение Югославии, эти четверо правонарушителей очень эффективно создавали идиосинкразические сценарии, позволяющие не только минимизировать и размыть свою собственную ответственность, но и исказить исторические факты. В результате использования таких методов генерируются альтернативные сценарии прошлых преступлений, а местное население в лучшем случае оказывается неправильно информированным и невосприимчивым к осуществляемым на национальном уровне программам, призванным «разобраться с прошлым».

Проблема соответствующих санкций

Мы утверждаем: чтобы предотвратить участие таких личностей в массовых преступлениях и наказать за него, требуется работа на местном и низовом уровне. Чрезвычайно важно, чтобы такие вопросы, как санкции и профилактика, обсуждались и решались в рамках, типичных для отношений подобных правонарушителей с сербским населением

вообще и с местной общиной в частности, к которой они принадлежат. Во-первых, мы сделаем несколько замечаний относительно воздействия санкций, применявшихся до сих пор как международной, так и национальной судебными системами. Во-вторых, мы постараемся выявить вопросы, рассмотрение которых может быть полезно для выработки стратегии профилактики в отношении участия в массовом насилии таких специфических негосударственных вооруженных групп. Хотя мы продолжаем в основном рассматривать пример четырех проинтервьюированных правонарушителей и их общины, думается, что общее содержание наших рассуждений может быть соотнесено с тем, что происходит в других регионах планеты, где ведется борьба за то, чтобы положить конец участию негосударственных вооруженных групп в массовом насилии.

Санкции за массовые преступления: внутригосударственный контекст

Есть основания считать, что, несмотря на совершенные ими преступления, все четверо правонарушителей, участвуя в массовом насилии, были хорошо осведомлены о самых элементарных принципах международного гуманитарного права. При этом оказывается, что в их представлении нормы могут толковаться и становиться предметом торга. Признав, что на их совести серьезные нарушения международного гуманитарного права, они продолжают утверждать, что их жертвы действовали ничуть не лучше. Ссылаясь на операцию «Шторм», в ходе которой сотни тысяч сербов были изгнаны из Хорватии хорватскими силами, они высказывали мнение, что хорваты и мусульмане повинны в тех же грехах. Этот софизм исходит из необоснованного заключения о необходимости убивать ни в чем не повинных гражданских лиц. Хотя такие установки могут быть фальшивыми оправданиями или способом заставить замолчать свою совесть, их оказалось достаточно для того, чтобы нейтрализовать суть международного гуманитарного права, а именно предписание в любых обстоятельствах относиться с уважением к лицам, не принимающим или прекратившим принимать непосредственное участие в военных действиях. Тем самым нейтрализовывалась и сама причина, по которой следует соблюдать и применять это право. Еще большие опасения внушает тот факт, что, признав неправомерность своего поведения, они продолжают считать свои действия оправданными. Поэтому распространение знаний о международном гуманитарном праве может оказаться неэффективным.

Санкции международных судебных инстанций

Какое влияние международные санкции могут оказать на таких правонарушителей? Здесь следует заострить внимание на трех моментах. Во-первых, для таких местных преступников последствия и сдерживающий эффект правосудия, отправляемого Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), остаются неясными и далекими. Хотя они внимательно следят за проходящими процессами и приговорами, вынесенными этим трибуналом, они не считают, что от него исходит какая-либо угроза для них самих. Многие из местных палачей не ассоциируют себя с высокопоставленными представителями военного командования и правительственными чиновниками, которые признаны виновными. Наоборот, как мы попытались показать выше, во время вооруженных конфликтов они действовали против большинства из них.

Во-вторых, интересная параллель может быть проведена между потерпевшими и правонарушителями в плане воздействия санкций международной юстиции на местном уровне. Для обеих групп эта форма правосудия слабо соотносится с их повседневной жизнью и оказывает на нее незначительное влияние. Однако если жертвы чувствуют, — имея на то основания или нет, — что международная юстиция, возможно, не принесет им справедливости, которую они требуют или ожидают, правонарушители находятся совсем в другом положении. Поскольку международные судебные инстанции занимают преступниками другой категории, то есть должностными лицами высокого ранга, они чувствуют себя в безопасности, поскольку их собственные деяния не были совершены в рамках законной цепи командования.

Наконец, в-третьих, международное правосудие слабо влияет на жизнь местных общин, поскольку им мало кто интересуется. По нашему мнению, объяснить это можно отдаленностью его учреждений и тем, что привлекают к судебной ответственности бывших офицеров и политиков высокого ранга. За исключением меньшинства, люди в современной Сербии поглощены в основном своими повседневными заботами и экономическими проблемами страны. Судьба бывших лидеров и каких-то малоизвестных сотрудников секретных служб оставляет их равнодушными. Мы вовсе не хотим сказать, что этих должностных лиц не следовало привлекать к суду. Однако когда речь идет об обеспечении совершения правосудия, нужно помнить, что у многочисленных заинтересованных категорий, в том числе и у местного населения, могут быть разные и неод-

нозначные представления о законности, легитимности и приемлемости. В свою очередь результаты могут оказаться неэффективными и контрпродуктивными. Мы считаем, что воздействие применения санкций международного правосудия на местное население носит ограниченный характер как в краткосрочном плане, так и в долгосрочной перспективе.

Санкции национальных судов

Санкции национальных судов, такие, например, как решения, выносимые в настоящее время Сербской палатой по военным преступлениям, занимающейся пресечением преступлений, совершенных гражданами Сербии, гораздо более эффективны. Прежде всего они выносятся не каким-то находящимся далеко международным трибуналом, который в представлении местного населения ассоциируется с теми, кто в 1999 г. сбрасывал бомбы на регион. В контексте осуществляемого в настоящее время в Сербии процесса, призванного исцелить старые раны и «разобраться с прошлым», санкции, вынесенные местным судом, могут оказаться более эффективными, чем таковые международного правосудия. Как сказал один человек, которого я встретил в Белграде,

«некоторые наши граждане совершили преступления от нашего имени за границей. И теперь предание их суду здесь (в Сербии) важно для нашего выздоровления, ведь это означает, что, вопреки мнению международной общественности, не все мы виноваты в тех событиях и сами можем выявить виновных и предать их суду. Это дает остальным сильный сигнал о том, что может наступить и их черед²⁸».

Этот процесс может помочь обществу ощутить фундаментальное различие, выявленное уже Ханной Арендт, между коллективной виной и коллективной ответственностью²⁹. По словам Ханны Арендт, если виновными считать всех, то получится, как это ни парадоксально, что по-настоящему не виновен никто, и это будет соответствовать софиз-

28 Интервью, проведенное в Белграде в марте 2006 г. с правозащитником из Центра гуманитарного права, Белград.

29 Hannah Arendt, *Responsibility and Judgment*, ed. and with an introduction by Jerome Kohn, Schocken Books, New York, 2003, p. 295.

му и линии защиты преступников. Не все сами совершали убийства или насиловали, но очень многие закрывали глаза на такие преступления и ничего не делали, чтобы их предотвратить. Именно в этой плоскости находится, по мнению Арендт, коллективная ответственность. Если национальные суды вынесут решения о виновности в военных преступлениях, совершенных в рамках событий, представлявшихся в свое время как защита сербской идеи, не каких-то высших должностных лиц, а — по контрасту — рядовых граждан, люди поймут, что они «что-то сделали не так» и та или иная норма была нарушена. Определенным образом это заставит людей, независимо от их личных убеждений, занять ту или иную позицию по данному вопросу и побудит их прислушаться к голосу совести.

Санкции должны сопровождаться массовым привлечением внимания к этой проблематике, чтобы помочь людям осознать преступный характер действий, совершенных от имени сербского населения. Это поможет превратить тех, кого местное население воспринимало как героев войны или «небесное воинство», в военных преступников. Например, фильм о том, как отряд местных ополченцев «Скорпионы» казнил нескольких беззащитных мусульман, всколыхнул общественное мнение в Сербии, как и во всех других странах, где он был показан. «Скорпионы» не были высокопоставленными должностными лицами. Напротив, они были простыми сербами, и это обстоятельство затронуло сербское население. Такие санкции вполне могут помочь людям разобраться в прошлых событиях, а в результате изменятся общественные настроения, деформированные националистической пропагандой³⁰.

Помимо карательного аспекта санкций необходимо рассмотреть вопрос о том влиянии, которое нам хотелось бы, чтобы они оказали и на кого конкретно. На международное сообщество? Это было бы контрпродуктивным, поскольку сербы как нация и так были осуждены международным общественным мнением даже до вынесения первых обвинительных заключений. На бывших югославских лидеров? Приговоры, уже вынесенные в отношении членов прежнего руководства, могут стать сильным сигналом для тех, кто остается на свободе. Однако ситуация с Караджичем и Младичем позволяет сделать заключение, что избежать наказания можно, хотя эти двое и являются самыми разыскиваемыми обвиняемыми «в бегах». Иными словами, усилия,

30 Eric Gordy, *The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Destruction of Alternatives*, Pennsylvania State University Press, University Park, 1999, p. 230.

направленные на то, чтобы повысить уровень осознания проблемы местным населением, могут сделать правосудие более понятным для людей и побудить их заглянуть себе в душу и прислушаться к голосу совести.

Предупреждение массовых преступлений

В заключение настоящей статьи нам бы хотелось сформулировать ряд предложений, касающихся предотвращения подобных массовых преступлений. Повторим еще раз, что в центре нашего внимания остается опыт четырех правонарушителей-респондентов и аспект, связанный с низовым уровнем. Сначала мы рассмотрим вопрос в его международном измерении, а затем — возможные местные инициативы.

Международные инициативы

Схемы организации и действий у четверых проинтервьюированных ополченцев отличались предельной нестабильностью. Мы не можем обнаружить в них никакой социализации или связи с человеческими ценностями, которые могли бы проявляться через «цепь командования». И все же опрос, проведенный в полевых условиях, позволил выявить один элемент, который мог бы помочь в предупреждении или пресечении зверств, о которых рассказал сам Радислав. На мой вопрос о том, почему они уехали из Хорватии в начале 1992 г., он ответил, что это было связано с разворачиванием Сил ООН по охране (СООНО). Последние изменили весь баланс военных и иных сил в регионе и стали дополнительным препятствием для осуществления их планов. Иными словами, продвижение к поставленной политической цели, то есть к установлению полного контроля над Краиной, стало казаться им все более проблематичным. Именно тогда они решили отступить. Поэтому международное вмешательство может рассматриваться как возможное средство предупреждения.

Местные инициативы

Как указывалось выше, в расчет следует принимать не только карательный аспект санкций, но и их воздействие на целевую группу, а имен-

но на местную общину, членом которой является правонарушитель. До настоящего времени в результате деятельности международного правосудия военные преступники в глазах многих жителей сельских районов Сербии превращались в мучеников. Дело Шешеля — наиболее наглядный тому пример, несмотря на удаленность трибунала, где оно рассматривается. Поэтому предстоит сделать очень многое для того, чтобы местное население перестало считать правонарушителей «небесным воинством». Для предупреждения массовых зверств нужно работать не только с самими преступниками, но и охватить всю совокупность связей между ними и общиной, к которой они принадлежат.

Первым делом нужно понять, почему община наделяет подобных индивидуумов таким большим социальным и символическим капиталом. Одно из возможных объяснений — страх, испытанный сербами в начале войны, в 1991 г. Например, показанные сербским телевидением многочисленные кадры, изображающие «сербских братьев», которым угрожают хорваты, во многих случаях были пропагандистскими материалами и включали съемки времен Второй мировой войны, иллюстрирующие насилие против сербов со стороны фашистских хорватских усташей. Эти кадры оказали сильное воздействие на местное население, «забытое» элитой, которая была озабочена сохранением своей власти в большей степени, чем поиском выхода из социального и экономического кризиса, охватившего сельские районы страны. В результате по сценарию мафиозного типа дельцы, подобные Радиславу, Ненану, Ивану и Янко, начинали восприниматься напуганным местным населением как жизненно важная альтернатива, как люди, способные показать местным жителям путь к быстрому преодолению экономических трудностей и избавлению от испытываемого ими страха, как люди, достойные доверия и могущие реально изменить существующее положение. Затем эти дельцы превратились в националистических деятелей, имеющих определенный моральный статус, в защитников «подлинных» ценностей и «сербской идеи», не прекращая при этом своей преступной деятельности за рубежом. С другой стороны, местные жители не были свидетелями многих из совершенных ими преступлений, имели о них лишь фрагментарное представление, на котором и зиждилось доверие сторонников этих дельцов. Что может быть сделано, чтобы лишить таких правонарушителей символического капитала, которым они обладают? Какую альтернативу можно предложить местному населению, нуждающемуся в помощи в решении конкретных проблем занятости и безопасности? Важнее всего лишить дельцов типа

респондентов и им подобных поддержки, которую они могут получить от местного населения, так сказать, «на корню», то есть заняться глубинными страхами, побуждающими местных жителей доверять таким людям. Как показать населению, что альтернатива может быть найдена? Возможно, санкции местного правосудия — эффективное средство ослабления социальной поддержки таких дельцов и доверия, которым они пользуются, но при этом совершенно необходимо заниматься и местными когнитивными сценариями, представлениями и интересами.

Чрезвычайно важно разобраться в связи между практическим осуществлением массового насилия и средой, где это происходит, то есть социальной и политической структурой, в которую встроен правонарушитель. Описанные выше палачи, несомненно, действовали с неявно выраженного разрешения в форме (намеренного?) непринятия центральным правительством (или правительствами) санкций или других мер для прекращения преступной деятельности, о которой было хорошо известно. В то же время имели место попустительство и согласие местного населения, несмотря на то, что оно осознавало, какими будут окончательные последствия такой поддержки. Ввиду практически полного отсутствия общественного контроля, местные судебные инстанции были неспособны обеспечить применение международного права во время конфликта. Хотя группа, к которой принадлежали Радислав, Ненан и Иван, находилась в решительной оппозиции к правительству Милошевича, последнее, как это ни парадоксально, выигрывало от участия в конфликте ультранационалистических вооруженных групп. И правительство, и эти группы преследовали одну и ту же цель: устранить несербское население Хорватии и Боснии и Герцеговины и захватить новые территории. В таких условиях военная интервенция может оказаться более эффективной, чем правовое принуждение.

Наконец, хотя мы до сих пор рассматривали преимущественно уголовные санкции, составляющие важнейший элемент правосудия переходного периода, еще одним столпом такой системы являются «механизмы установления истины», которые также заслуживают внимания. В ходе проведения полевого исследования Радислав однажды выразил сожаление по поводу того, что произошло, хотя и продолжал оправдывать свои действия. Некоторых палачей буквально преследуют картины совершенных в 1990-е гг. злодеяний, и они хотели бы облегчить свою совесть. Но как это можно сделать и перед кем? Если бы на региональном всебалканском уровне действовала комиссия по установлению истины и примирению, Радислав там рассказал бы

о своем опыте и о том, что произошло³¹. С другой стороны, учитывая, что следствие по открытым уголовным делам ведется до сих пор и правонарушители все еще находятся в розыске, Радислав говорит, что ни за что не рискнул бы публично признаться в своих деяниях. Мы, конечно, не являемся экспертами в области правосудия переходного типа, но усматриваем в этом упущенную возможность. Узнай общественность об участии бывшего правонарушителя в массовых преступлениях и его последствиях (необходимость всю жизнь прятаться, муки совести, кошмары и т.д.), удержало бы это других от вступления на такой путь?

31 Хотя существует общее согласие относительно необходимости сказать правду о событиях на территории бывшей Югославии, мало кто говорит о примирении и действительно к нему стремится.